

Наши журналы в 1899 году

с. 1-2.

с. 2.

с. 2.

шійся овцой безъ стада.

Если мы обратимся ко всей остальной нашей художественной и очень обширной литературѣ, то увидимъ, что вся она трактуетъ о томъ, какъ и чѣмъ болѣетъ современный человѣкъ и въ какихъ формахъ онъ проявляетъ свое отношеніе къ жизни. Быть можетъ, никогда еще столь единогласно не выражалось въ ней это „болѣніе“, эта смута душевная, это исканіе выхода къ чему-то лучшему. Князь Нехлюдовъ является только наиболѣе крупной фигурой въ этомъ повальномъ стремленіи къ обновленію и къ ослабленію пути жизни. Возможно, что именно въ силу этой эпидемичности и болѣзненности процесса, наше время даетъ такъ мало положительныхъ типовъ, определенныхъ характеровъ, ясныхъ міросозерцаній и твердыхъ настроеній. Такъ, по крайней мѣрѣ, судя по беллетристикѣ. Просмотрите сразу всѣ выдающіяся произведенія прошлаго года, и васъ поразитъ дряблость, безидейность, а главное, общественная неуравновѣшенность, расплывчатость и какая-то раздвоенность героев этихъ романовъ, повѣстей и проч. Всѣ они „болѣютъ“ душой, негодуютъ, и возмущаются, много разсуждаютъ и осуждаютъ и только...

Ближе всѣхъ къ основной темѣ послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстого. т. е. къ вопросу объ отношеніяхъ половъ, сталъ г. Чеховъ въ своихъ раз-

сказахъ, помѣщенныхъ въ „Рус. М.“, „Любовь“ и „Дама съ собачкой“. Въ послѣднемъ разсказѣ Гуровъ, подъ влияніемъ случайной встрѣчи съ „дамой съ собачкой“, совершенно перерождается, и въ немъ происходитъ такой-же внутренній процессъ обновленія, какъ и въ кн. Нехлюдовѣ подъ гнетущимъ давленіемъ нѣкогда совершеннаго грѣха. Ему стыдно прежнихъ своихъ увлеченій, ему дѣлаются противны всѣ окружающіе и ихъ бессмысленное существованіе, онъ чувствуетъ наклонѣ лѣтъ, что любить впервые, и вотъ, имѣя семью и связанный съ замужней женщиной, прячась вдвоемъ, онъ мучительно рѣшаетъ вопросъ: „Какъ? какъ?“ т. е. какъ устроить свою жизнь по настоящему, по правдѣ и безъ фальши...

Положеніе другихъ героев у другихъ авторовъ нисколько не лучше и не менѣе трагично. Бросимъ бѣглый взглядъ на эту богатую галерею типовъ и характеровъ.

Вотъ Ома Гордѣевъ г. Горькаго, — мечется и мучится въ вихрѣ сомнѣній, и не только не находитъ отвѣтовъ на проклятые вопросы, но и во всей окружающей средѣ не встрѣчаетъ ни одного союзника, ни одного единомышленника, никакой нравственной опоры или поддержки; побѣжденный и осмѣянный, онъ попадаетъ въ сумасшедшій домъ. Вотъ, ищущій правды Борисъ въ романѣ г. Бо-

борыкина „Куда идти?“ Вотъ еще кончающій студентъ Стаховъ во „Встрѣчѣ“ г. Потапенко, рѣшившій, что надо жить по правдѣ, — „правда вездѣ и во всемъ“, — въ силу этого возстающій противъ жизни отца-семидесятника (на словахъ, впрочемъ, только), но не умѣющій точно опредѣлить программу своей жизни „по правдѣ“, или молодой Ниходимцевъ въ романѣ г. Станюковича „Равнодушные“, молодой чиновникъ, собравшійся служить народу въ голодное время и очень разочарованный, когда ему замѣтили сверху, что его усердіе не по разуму, а потому и не столь похвально, какъ онъ думалъ. Или еще Мельгунова въ повѣсти г-жи Вержбицкой „Освободилась“, 14-ть лѣтъ искавшая выхода изъ невыносимаго семейнаго положенія и отравившаяся послѣ того, какъ выходъ, казалось, былъ пайдень и общественная сторона вопроса была благополучно разрѣшена. Наконецъ, и въ средѣ артистовъ и художниковъ, изображенной г. Маминымъ-Сибирякомъ въ рассказѣ „Падающія звѣзды“, недовольство жизнью и сложныя, ненормальныя отношенія разрѣшаются „падешемъ звѣздъ“ первой величины и возвращеніемъ ихъ въ деревню, на лоно природы, въ болѣе простыя и здоровыя условія жизни.

Все это происходитъ, такъ сказать, на верхахъ общественной лѣстницы. На низахъ, немножко освѣщенныхъ г. Вересаевымъ („Конецъ Андрея Ивано-

вича“) то-же горе осложняется еще малою культурностью, невѣжествомъ и бѣдностью. Андрей Ивановичъ, живущій одной вѣрой въ товарищество и силу взаимной солидарности, умираетъ съ разбитой душой, разочарованный, обманутый въ надеждахъ и святыхъ своихъ иллюзіяхъ. Только передъ смертью возстаютъ передъ нимъ горячія увѣщанія двухъ пріѣзжихъ мастеровыхъ, но онъ не успѣлъ усвоить ихъ и обрѣсть въ нихъ утѣшеніе и духовное обновленіе.

Тѣмъ не менѣе, все то, что дала намъ прошлогодняя беллетристика, отнюдь не указываетъ на симптомы общественнаго упадка, пессимизма, разочарованія или просто опаснаго кризиса въ настроеніяхъ. Все дѣло въ томъ, что осложняющіяся формы жизни даютъ осложненную психологію, а все вмѣстѣ отражается въ текущей литературѣ во всемъ своемъ пестромъ многообразіи.

Въ тѣсной связи съ этимъ явленіемъ, т. е. ростомъ нашей образованности и культурности, находится другой фактъ истекшаго года — увеличивающійся успѣхъ и все большее распространеніе нашихъ лучшихъ журналовъ („Рус. Б.“, „Рус. М.“, „Міра Бож.“, „Жизни“ и „В. Е.“). Печатающіеся въ концѣ года „Матеріалы для журнальной статистики“ показываютъ, что журналъ проникаетъ въ самые глухіе и отдаленные углы нашего обшир-

наго отечества и проникаетъ туда не въ единичныхъ экземплярахъ. Распространенность „М. Б.“ въ истекшемъ году достигала 11.000 слишкомъ экземпляровъ, успѣхъ „Жизни“ въ продолженіе одного года блестяще упрочился. Въ то-же время печатью отмѣчены такіе факты, какъ отказъ библиотеки отъ выписки такихъ журналовъ, какъ „Наблюдатель“ и „Русск. Вѣст.“, по требованію подписчиковъ. Все это указываетъ на сознательное отношеніе къ печатному матеріалу, на увеличивающееся вліяніе добраго печатнаго слова, на общественную роль журналистики.

Въ концѣ только-что отошедшаго года мы дали рядъ характеристикъ нашихъ лучшихъ журналовъ и попытались этимъ путемъ объяснить ихъ заслуженный успѣхъ и распространенность. Намъ остается теперь сказать только, что наши выдающіеся журналы въ 1899 г., оставаясь неизмѣнно истолкователями всѣхъ сложныхъ вопросовъ и теченій жизни, откликаясь на нихъ формъ въ беллетристики, публицистики и руководящихъ статей, тѣмъ самымъ содѣйствовали росту нашего общественнаго сознанія и облегчили трудный переходъ черезъ порогъ новаго вѣка.

И. Гонкарь.
